

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-665-685

Научная статья / Research article

Феномен исламизма постиндустриального времени на территории Российской Федерации

С.В. Демиденко , С.Б. Маргулис , Р.И. Файншмидт

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация*

 margulis-sb@ranepa.ru

Аннотация. Радикальный ислам, как политический феномен, претерпел значительные изменения в течение первых десятилетий XXI в. Это сопровождалось, во-первых, некоторым снижением внутривероисповедной конфронтации, а во-вторых, развитием специфичной субкультуры ‘jihadī cool’, сочетающей черты общества потребления (современная музыка, стильная одежда, исламский мерч, молодежные журналы и т.д.) и джихадистской повестки. Данные факторы в комплексе формируют новую волну религиозного радикализма — исламизм постиндустриального времени, который представляет значительную угрозу международной безопасности. Вопросы относительно степени и характера развития исламизма постиндустриального времени на территории Российской Федерации до сих пор не рассматривались в научной литературе. Представленная статья является первой попыткой разобраться в данной проблеме, имеющей сложную социально-экономическую и этноконфессиональную природу. Теоретическими рамками исследования стали труды ведущих отечественных исламоведов, занимающихся проблемами исламского радикализма. В обозначенной парадигме авторами была сделана попытка дать собственное определение радикального ислама, выявить характерные черты явления, отделить религиозный экстремизм от фундаментализма. Работа с эмпирической базой осуществлялась за счет методов описательной статистики, а также применения качественного и количественного контент-анализа. Последний производился на основе данных Google Trends, перепроверенных через систему Wordstat.yandex. В заключении авторский коллектив пришел к выводам относительно распространения в России исламизма постиндустриального времени. Наблюдается нарастание активности радикалов в интернет-пространстве, их работа по расширению базы поддержки движения, основанной на знании алгоритмов работы социальных сетей. Также выявлены пока еще недостаточно явные, но уже вполне просматриваемые элементы субкультуры ‘jihadī cool’. Важно отметить, что все вышеперечисленные тренды зародились за рубежами Российской Федерации и были радикалами

© Демиденко С.В., Маргулис С.Б., Файншмидт Р.И., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

займствованы. В целом это лишь подтверждает идею о периферийности российского исламского радикализма, который на протяжении всей своей истории был чужеродным элементом на отечественной этнокультурной почве.

Ключевые слова: радикальный ислам, исламизм постиндустриального времени, фундаментализм, мазабы, суфизм, халифат, джихад, jihadi cool

Для цитирования: Демиденко С.В., Маргулис С.Б., Файншмидт Р.И. Феномен исламизма постиндустриального времени на территории Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 665–685. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-665-685>

The Spread of the Post-Industrial Islamism in the Russian Federation

Sergey V. Demidenko , Sergey B. Margulis , Roman I. Fainshmidt

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russian Federation*

 margulis-sb@ranepa.ru

Abstract. Radical Islam as a political phenomenon has undergone significant changes during the first decades of the 21st century. This process was accompanied, firstly, by the strengthening unification trends in the ideological field, and secondly, by the development of a specific “Jihadi Cool” subculture that combined the features of the consumer society (modern music, stylish clothes, Islamic merch, youth magazines, etc.) and jihadist agenda. These factors, in combination, form a new version of religious radicalism — post-industrial Islamism, which poses a significant threat to international security. Questions regarding the degree and the nature of post-industrial Islamism in the Russian Federation have not yet been scrutinized in academic literature. The article is the first attempt to understand this problem, which exists in a complex socio-economic and ethno-confessional environment of Russia. The theoretical framework of the study was the works of leading domestic Islamic scholars dealing with the problems of Islamic radicalism. In the indicated paradigm, the authors made an attempt to give their own definition of radical Islam, to identify the characteristic features of the phenomenon, to separate religious extremism from fundamentalism. Work with the empirical base was carried out through the methods of descriptive statistics, as well as the use of qualitative and quantitative content analysis. It was made on the basis of Google Trends data, cross-checked through the Wordstat.yandex system. In conclusion, the team of authors came to conclusions regarding the spread of post-industrial Islamism in Russia. There is an increase in the activity of radicals in the Internet space, their work to expand the base of support for the movement, based on knowledge of the algorithms of social networks. Also, elements of the ‘jihadi cool’ have been identified too. It is important to note that all the trends listed above originated outside the Russian Federation and were borrowed by the radicals. In general, this only confirms the idea of the peripheral nature of Russian Islamic radicalism, which throughout its history has been an alien element on the national ethno-cultural environment.

Keywords: radical Islam, post-industrial Islamism, fundamentalism, madhhabs, Sufism, caliphate, jihad, jihadi cool

For citation: Demidenko, S.V., Margulis, S.B., & Fainshmidt R.I. (2022). The spread of the post-industrial Islamism in the Russian Federation. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 665–685. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-665-685>

Введение

Современный мир следует рассматривать как сложную систему. Общественно-политические процессы в разных странах и на разных континентах формируются под воздействием значительного количества факторов, преобладающими среди которых являются экономические. Международные финансовые, производственные и торговые связи объединяют страны в одно глобальное пространство, в рамках которого событие в одном регионе мира может серьезно повлиять на ситуацию в другом. В качестве примера можно вспомнить удар, нанесенный по глобальным логистическим цепочкам, инцидент в Суэцком канале, когда в начале 2021 г. магистраль была заблокирована севшим на мель контейнеровозом Ever Given. Примерно такая же логика на современном этапе свойственна и политическим процессам — конфликты, развивающиеся на значительном расстоянии от экономических центров, через какое-то время начинают влиять на жизнь всего мирового сообщества. Примерами этого могут выступать гражданские войны в Ираке и Сирии, ставшие в итоге одной из причин миграционного кризиса в Европе и т.д.

С исследовательской точки зрения глобальность мира приводит к смещению и размыванию привычных понятий, которые неожиданно начинают демонстрировать иную природу и новые особенности. В данном случае вопрос касается феномена радикального ислама и его эволюции в условиях глобализации и развития постиндустриального общества.

До 2001 г. считалось, что исламизм (радикальный ислам, политический ислам, исламский фундаментализм, салафизм) не может распространиться за пределы Ближнего и Среднего Востока. Даже ряд кейсов террористической активности «Аль-Каиды»¹ и последовавшие за ними войны в Ираке и Афганистане не изменили отношения исследователей [Демиденко, Кутузова 2020]. Однако через некоторое время выяснилось, что религиозный радикализм адаптируется к международным реалиям. Исламисты оказались достаточно сильны, чтобы почти разрушить привычную политическую карту Ближнего Востока, поставив под угрозу уничтожения светские режимы в Сирии и Ираке. Пандемия коронавируса несколько снизила их активность, однако «затишье» оказалось временным (как и прогнозировалось рядом экспертов [Демиденко, Кутузова 2021]), и уже летом 2021 г. террористическая организация «Талибан»² получила контроль над Афганистаном.

В дополнение к этому влияние радикалов начинает все более отчетливо ощущаться в Европе, США, Юго-Восточной Азии, где актуализируется проблема «исламизации» молодых мусульман через распространение в их среде специфических субкультур, воспевающих джихад и борьбу против мирового империализма — *jihadi cool* и *jihobbists*. Эти субкультуры характерны для мусульманских гетто крупных городов и формировались как синтез двух ключевых элементов — религиозного, подчеркивающего специфическую идентич-

¹ Запрещена на территории РФ.

² Запрещена на территории РФ.

ность приверженцев, и криминального, манифестирующего оппозиционность адептов и их неуважение к нормам буржуазной морали. *Jihadi cool* и *jihobbists* стали в некотором смысле ответом западному миру со стороны мусульманских общин немусульманских стран. Из их рядов вышли несколько известных террористов Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)³, в самом же Старом Свете «джихадисты», получившие кадровую подпитку вследствие начавшегося с 2014 г. миграционного кризиса. Новая версия исламского радикализма оказалась во многом отличной от классических образцов. Ее представители менее чувствительны к конфессиональным различиям, ведут «западный», светский, образ жизни (см. выше о *jihadi cool*), не изменяя главному — приверженности идее мирового джихада. Данный феномен, который был описан авторским коллективом в других работах, можно определить как исламизм постиндустриального времени — явление крайне актуальное, дающее международному террористическому интернационалу возможность еще больше распространиться и расширить базу для вербовки новых адептов⁴. При этом термин исламизм постиндустриального времени неразрывно связан с понятием *jihadi cool*.

Описанные выше процессы происходят на фоне высокой подвижности всей уммы в целом, когда значительные ее части за непродолжительный промежуток времени переходят от поддержки официальных властей в стан радикалов и обратно (наиболее ярко это видно на примере Ирака, где в определенные периоды численность только вооруженных отрядов ИГИЛ достигала 200 тыс. человек)⁵.

К вопросу о понятиях

Прежде всего, следует отметить, что в академическом мире термин «радикальный ислам» трактуется по-разному. Как правило, спор разворачивается в границах четырех дефиниций — исламизм, салафизм, радикальный ислам и фундаментализм. Эксперты весьма часто смешивают их, полагая, что различия, если и имеются, то несущественные⁶.

Так, например, видный исследователь проблематики радикального ислама А.А. Игнатенко [2004: 40] подчеркивает, что радикальный ислам синонимичен исламскому экстремизму, фундаментализму и салафизму. Другой крупный ученый Д.А. Нечитайло использует термин «современный радикальный исламизм»⁷. Путаница возникает уже на уровне учебной литературы. Например,

³ Запрещена на территории РФ.

⁴ Подробнее о термине см.: (Демиденко, Кутузова 2020).

⁵ *Cockburn P.* War with Isis: Islamic militants have army of 200,000, claims senior Kurdish leader // *The Independent*. 16 November 2014. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/war-with-isis-islamic-militants-have-army-of-200-000-claims-kurdish-leader-9863418.html> (accessed: 22.07.2022).

⁶ *Нечитайло Д.А.* Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. М., 2017.

⁷ *Нечитайло Д.А.* Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. М., 2017.

в учебнике по политологии Э. Хэйвуда [2005: 78], в главе, посвященной исламскому фундаментализму, фактически ставится знак равенства между относительно умеренной и цивилизованной (хотя и консервативной) иранской исламской демократией и режимом запрещенных в России афганских талибов. Примерно той же позиции придерживается А.А. Игнатенко [2004: 43–48], считая главными центрами исламского радикализма Тегеран и Эр-Рияд.

Многие отечественные авторы, внесшие выдающийся вклад в изучение проблематики исламизма, Е.М. Примаков, А.В. Малашекно, В.Н. Пластун, В.В. Наумкин и т.д. концентрировались в первую очередь на вопросах социально-экономической и кросс-культурной природы исламизма, стратегии и тактики радикалов, упуская при этом из виду теоретический аспект. Однако, как представляется, крайне важно договориться о значении терминов. В обратном случае можно допустить ошибку, которая не позволит точно определиться с предметом и объектом исследования.

В прикладном разрезе данный момент важен с точки зрения выявления сферы «экстремистского», поскольку не всегда тот, кто желает строить мечети или выступает в пользу сбережения исламских традиций, является террористом. Нередки эпизоды, когда оценка степени «экстремистского» предоставлена экспертам-религиоведам, которые, в свою очередь, опираются, помимо законодательства, на достижения фундаментальной науки. И если нет точности в определениях, решение выносится на основании субъективного суждения. Это означает, что с одной стороны, открываются возможности для злоупотреблений, а с другой — для ухода от ответственности. Например, подобная практика имеет место в государствах Центральной Азии — дело Мухтади Абдулкадирова 2019 г. [Антиэкстремистская политика... 2020: 57] или приговор экстремистам в городе Рогун 2016 г.⁸ Как в первом, так и во втором случаях обвинения, судя по материалам прессы, имели достаточно зыбкую теоретическую и правовую основу.

Можно согласиться с Э. Хейвудом и А.А. Игнатенко касательно того, что под фундаментализмом должна подразумеваться такая система взглядов, при которой основные аспекты человеческой жизни должны хотя бы частично подчиняться религиозным принципам [Хэйвуд 2005: 78]. Такой подход в целом имманентен мусульманской религии. Ислам является источником всего — и права, и традиций, и политики. Почти все конституции ближневосточных государств (за исключением Турции и Ливана) заявляют в качестве источника национального законодательства шариат, все ведущие политические идеологии в регионе Большого Ближнего Востока также носят ярко выраженный религиозный оттенок (например, арабский социализм баасистов, М. Каддафи и Насера). На повседневном уровне фундаментализм постулирует необходимость соблю-

⁸ 18 жителей Рогуна приговорены за призывы к изменению конституционного строя в Таджикистане // Информационный сайт TopTJ.com. 8 августа 2016. URL: <https://www.toptj.com/News/2016/08/08/18-zhiteley-roguna-prigovoreny-za-prizyvny-k-izmeneniyu-konstitucionnogo-stroya-v-tadzhikistane> (дата обращения: 22.07.2022).

дения религиозных традиций — следовать «столпам ислама», беречь семейные ценности, не совершать грехов в области товарно-денежных отношений, жертвовать на благотворительность. Фундаментализм не всегда имеет склонность к агрессивности. Например, в Центральной и Южной Азии существуют движения, выступающие за религиозную чистоту, но без открытого экстремизма — «муджаддийа» или консерваторы — приверженцы ханафитского мазхаба [Мухаметшин 2011]. При этом как первые, так и вторые активно занимались и занимаются поддержкой и продвижением мусульманской религии.

В данном контексте представляется целесообразным разведение понятий «фундаментализм» (традиционализм) и «исламизм» (радикальный ислам). Для второго характерен момент политический — изменение мира при помощи реализации концепта идеального исламского государства (халифата). Первый же сосредоточивается на моментах сугубо бытовых и в политику не проникает (а если и проникает, то переходит в состояние исламского радикализма).

Относительно определения радикального ислама (исламизма, салафизма) исследователи в основном концентрируются на двух моментах — борьбе за чистоту веры и террористической активности, переходящей порой в открытый шовинизм. Так, выдающийся отечественный арабист А.М. Васильев, исследуя природу саудовского ваххабизма, который часто считают идейным «прародителем» всех современных салафитских движений, отмечает пуризм последователей в вопросах веры и высочайшую степень их непримиримости ко всем «извратителям» ислама (в первую очередь к суфиям, которых Мухаммед ибн Абд-аль-Ваххаб считал главными «еретиками») [Васильев 1982]. Ученый-богослов М. Хасан отмечает, что «салафизм-ваххабизм является источником террора, а последователи идеологии — преступниками, отвергающими традиционные исламские ценности и постулаты, извращающими его истинные каноны» [Хасан 2005: 11]. Данный подход разделяют Р.В. Курбанов [2012], Е.Я. Сатановский [2012], И.С. Шегаев [2017]. Американский исследователь М. Муктедар Хан ставит знак равенства между исламизмом и антиамериканизмом⁹, а М. Трэвис сравнивает исламизм с неонацизмом [Travis 2017].

Подобная трактовка, при ее очевидной справедливости, не является исчерпывающей, поскольку существуют исторические прецеденты, когда представители умеренных направлений ислама использовали в своей деятельности методы вооруженной борьбы. Например, суфии Центральной Азии и Северного Кавказа, участвовавшие в разные годы под знаменем джихада в войне против Российской империи и советского государства, или шииты, организовавшие террор против суннитского населения Центрального Ирака [Демиденко 2014]. Есть и обратные примеры — организаций, признанных в России экстремистски-

⁹ Muqtedar Khan M.A. *Islam and the West: Searching for Common Ground / Testimony Before the Committee on Foreign Relations The United States Senate // US Senate Committee on Foreign Relations*. July 18, 2006. URL: <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/KhanTestimony060718.pdf> (accessed: 22.07.2022).

ми, но сознательно, на доктринальном уровне, отказавшихся от насилия (например, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») ¹⁰.

Суммируя изложенное выше, можно сказать, что любая исламистская партия изначально является фундаменталистской, поскольку вопрос о сбережении веры актуален для любой оппозиционной религиозной структуры. В то же время далеко не каждая фундаменталистская организация является исламистской, поскольку, как уже было отмечено ранее, сохранение традиций не равно их навязыванию иным культурным контекстам.

С теоретической точки зрения авторам данного исследования наиболее близки концепции А.А. Игнатенко и Д.А. Нечитайло, которые концентрируются на стремлении к установлению глобального господства шариата как на ключевом признаке радикального ислама (исламизма). А.А. Игнатенко дает следующее определение: «Исламизм — идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате» [Игнатенко 2004: 40–41]. Д.А. Нечитайло в своей работе «Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика» также активно продвигает идею о глобальности претензий радикалов ¹¹. С данной позицией трудно не согласиться, с учетом того, что все организации, которые принято отождествлять с исламизмом, — «Братья-мусульмане», «Аль-Каида», ИГИЛ ¹² — ставили себе цель создать именно мировое мусульманское государство — халифат.

Таким образом, коллектив авторов представленной статьи, также не проводя различий между исламизмом и радикальным исламом, определяет это явление как крайнюю фундаменталистскую идеологию, основанную на принципах очищения ислама от любых вредных нововведений и ставящую своей политической задачей превращение всего мира в единое мусульманское государство (Дар аль-Ислам, халифат). При этом желания других народов вторичны по отношению к божественной воле, носителями которой считают себя экстремисты.

Вопрос об агрессивном прозелитизме имеет первостепенное значение, поскольку современное мусульманское духовенство в отношении политической власти, по большей части, придерживается весьма умеренных взглядов. Среди духовных лиц бытует мнение, что любая власть может считаться допустимой, если не притесняет мусульман и позволяет им без ограничений отправлять культы. Иначе говоря, догматическое оправдание получает лю-

¹⁰ Малашенко: Москве нужно остерегаться провокаций в Крыму // Информационное агентство «Islam News». 10 сентября 2014 г. URL: <https://islamnews.ru/news-432444.html> (дата обращения: 22.07.2022).

¹¹ *Нечитайло Д.А.* Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. М., 2017.

¹² Запрещены на территории РФ.

бой правитель или политическая система вне зависимости от их религиозной принадлежности [Сюкияйнен 2016: 147]. Для исламистов такая позиция неприемлема, поскольку в этой связи серьезной корректировке подвергается пятый принцип Усул ад-Дин, а именно принцип имамата/халифата, при котором власть над общиной должна передаваться избранному, праведному правителю, обязанному соблюдать нормы шариата и защищать веру. Именно поэтому ИГИЛ после своей победы на востоке Сирии и в Центральном Ираке объявила о создании халифата.

Авторский коллектив также целенаправленно использует именно понятие «исламизм постиндустриального времени», избегая термина «постисламизм», который был введен в научный оборот американским политологом Асефом Баятом [Bayat 1996: 43–52]. Главная проблема данного понятия в том, что оно по-прежнему в смысловом плане весьма размыто и объясняет несколько разные процессы, происходящие в исламском мире в зависимости от подхода конкретного ученого. Более того, на этот счет в западной политической науке продолжаются дебаты. Например, Баят под «постисламизмом» понимает состояние, при котором ввиду кризиса («исчерпания») политического ислама начинается процесс ресекуляризации, который он рассматривал на примере Ирана [Bayat 1996: 46]. В своих более поздних трудах он несколько конкретизировал свой подход [Bayat 2005: 5]. В свою очередь французский исследователь Оливье Карре использовал данный термин применительно к отделению политической и военной сферы от религии, наметившемуся в мусульманском мире в X–XIX веках [18: 451]. Свою версию понимания «постисламизма» представлял и турецкий ученый Джихан Тугал [Tugal 2002: 85–111]. Достаточно подробно проблема трактовки термина «постисламизм» представлена в работе катарского ученого Халила аль-Анани [Al-Anani 2014: 348]. Наиболее близкое по смыслу с исламизмом постиндустриального времени понимание «постисламизма» наблюдается в статьях Питера Мандавила (Университет Джорджа Мейсона, США), который уделяет ключевое внимание именно современной трансформации в исламском мире, в том числе затрагивает тему исламского хип-хопа, мерча и т.д.¹³ Однако даже в этом случае данные термины нельзя в полной мере назвать синонимичными.

Радикальный ислам в СССР и России: исторический ракурс

Радикальный ислам — явление, которое начало распространяться по миру относительно недавно. Всерьез о нем заговорили лишь в самом конце XX в. Примерно тогда же, согласно мнению ряда исследователей, оно пришло и в Россию. В контексте данной статьи целесообразно поставить

¹³ *Mandaville P.* Is the Post-Islamism Thesis Still Valid? // *Middle East Political Science*. 2014. URL: <https://pomeps.org/is-the-post-islamism-thesis-still-valid> (accessed: 22.07.2022).

вопрос относительно идеологической и политической зависимости российского радикального ислама от превалирующих международных трендов и зарубежных структур.

На современном этапе, когда религиозный экстремизм в Европе и США приобретает черты, отличающие его от классических ближневосточных образов (экстремизм, основанный на субкультуре джихада), важно взглянуть на процессы, происходящие в России. Обнаруженная тождественность даст возможность спрогнозировать развитие явления. Необходимо отметить, что исламизм сегодня дрейфует от сугубо религиозной идеологии к идеологии протестной. Другими словами, политический компонент — преобразование мира в единое шариатское государство — все ярче проявляется на фоне угасающих концепций борьбы за чистоту веры.

В мусульманских регионах СССР религиозная оппозиция существовала всегда. Советская атеистическая пропаганда, хотя и нанесла урон самосознанию народов Северного Кавказа и Центральной Азии, полностью ислам победить не сумела. Большая часть духовенства приняла принципы сосуществования с коммунистической властью, став в некотором смысле хранителем истории и традиций «народов Советского Союза». Симптоматично, что создание Москвой Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) пришлось на тот же год, что и восстановление в СССР патриаршества — 1943-й.

Период после Великой Отечественной войны ознаменовался вялотекущей борьбой КПСС с «религиозными пережитками». Борьба эта носила в большей степени риторический характер — на вооружение был принят лозунг о том, что религия в условиях социалистического общества отомрет сама собой. По факту религиозность мусульманского населения оставалась относительно высокой (в сравнении с европейской частью СССР), а наиболее радикальная его часть обучалась в нелегальных религиозных школах — «худжра» [Мухаметшин 2011: 215].

На фоне идеологического, а следом за ним и экономического кризиса Советского Союза, пришедшегося на вторую половину 1980-х гг., на политическую сцену Северного Кавказа и Центральной Азии вышло первое поколение исламских радикалов. Именно их стали называть «воххобийлар». Представленный термин, часто используемый умеренным духовенством, носил пренебрежительный характер и был призван подчеркнуть несистемность и крайний консерватизм оппонентов (хотя «новые ваххабиты» и выступали с реформаторских позиций). Естественно, «советские ваххабиты» отличались от ближневосточных. За ними не было ни религиозного образования, ни фундаментальной теологической подготовки (что в условиях «железного занавеса» было фактически недоступно), ни массовой поддержки населения. На вооружении был лишь тезис о том, что кризис — следствие несправедности власти и повреждения нравов простых мусульман (справедливости ради необходимо отметить, что не только советские священнослужители придерживались подобных «соглашательских» принципов — видный египетский богослов середины XX в. Али Абд ар-Разик утверждал, что халифатом является любой строй, который приняли мусульмане

[Сюкияйнен 2016: 147]). Исправить положение предлагалось за счет смутно понимаемого «возвращения к истокам».

Теоретической базой советских радикалов были сведения из трудов основоположников политического ислама Хасана аль-Банни, Сейида Кутба, аль-Маудуди, проникавшие в СССР отрывочно и в виде весьма вольных переводов [Мухаметшин 2011: 219]. Дополнительную идеологическую поддержку оппозиционеры начали получать в период после 1979 г., когда в исламском мире произошло два значимых события — ввод советских войск в Афганистан и Исламская революция в Иране. Связи с иностранными радикалами, осуществляемые через эмиссаров и так называемые «исламские благотворительные фонды», принесли на советскую почву идеи вооруженной борьбы — «джихада меча» — против «неправедной власти». Эти идеи нашли практическое воплощение в начале 1990-х гг., когда в Центральной Азии и на Северном Кавказе начали возникать вооруженные движения, ставившие целью установление религиозных законов в мусульманских районах постсоветского пространства («Адолат», Исламское движение Узбекистана/Туркестана (ИДУ), «Риядус-Салихин»¹⁴ и т.д.).

Из сказанного выше видно, что «салафиты» в СССР были не самым сильным и весьма зависимым ответвлением мирового джихадистского движения. В условиях контроля государства над духовной жизнью общества советские мусульмане были лишены регулярных контактов с братьями по вере, а духовенство — с ведущими религиозными центрами. Даже хадж, хотя и не прекращался полностью, серьезно ограничивался — паломничество было разрешено лишь нескольким десяткам наиболее проверенных и стойких в идеологическом отношении граждан [Ахмадуллин 2016: 199–200]. Данная ситуация проецировалась на религиозную оппозицию, которая была готова к борьбе, но ее идейную основу выводила из союзничества (политического и догматического) с иностранными исламистскими центрами. То есть изначально, на входе, признавала свою зависимость от афганских моджахедов и вероучителей из Египта и Персидского залива (например, ни одна из постсоветских экстремистских организаций не заняла ключевых позиций в мировом джихадистском движении — даже на территории России спецслужбы наиболее часто выявляют ячейки ИГИЛ, «Хизб ут-Тахрир» или «Аль-Каиды»¹⁵).

В 1990-х и начале 2000-х гг. ситуация продолжала развиваться в русле обозначенной тенденции — исламисты воевали против светской власти, получая поддержку из-за рубежа, откуда приходили новые политические и идейные тренды. Данная тенденция наблюдается и в настоящее время, принимая во внимание тот факт, что постсоветская мусульманская оппозиция за время, прошедшее с момента крушения СССР, стала хотя и периферийной, но все же неотъемлемой частью международного джихадистского движения.

¹⁴ Все организации запрещены на территории РФ.

¹⁵ Все организации запрещены на территории РФ.

Радикальный ислам в России: статистический разрез

В контексте осложнения международной обстановки вокруг России, нарастающих экономических трудностей и сокращения бюджетов вопрос внутривнутриполитической дестабилизации приобретает дополнительную актуальность. Новое звучание получает и проблема ключевых трендов в развитии радикального ислама. Попытаться выявить их можно за счет изучения статистических материалов, анализа СМИ, а также поисковых запросов в системах Google и «Яндекс». Результаты необходимо сравнивать со статистикой международной. Это даст картину зависимости (или соответствия) ключевых тенденций в развитии явления.

Основной массив данных был получен на сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации в разделе «Зарегистрированные преступления террористического характера»¹⁶. Среди 85 субъектов Российской Федерации четко выделяется ряд наиболее проблемных регионов. Среди них:

- Республика Дагестан;
- Республика Ингушетия;
- Чеченская Республика;
- Республика Татарстан;
- Кабардино-Балкарская Республика;
- Карачаево-Черкесская Республика;
- Москва;
- Ставропольский край.

Все перечисленные выше регионы отличаются преобладающей долей мусульманского населения, либо в силу экономической и территориальной специфики, сложным этноконфессиональным составом (Ставропольский край, Москва). Таким образом, можно сделать вывод, что проблема терроризма (по крайней мере, с точки зрения российских правоохранительных органов), так или иначе, связана с радикальным исламом¹⁷.

Для соотнесения динамики развития исламизма в России с общемировыми трендами следует обратить внимание на статистические пики в проблемных регионах, которые можно также проследить по правоохранительной статистике и сравнить со статистикой международной.

- В Дагестане наиболее сложным выдался период с 2015 по 2016 г. (пиковый год 2016-й — 966 зарегистрированных преступлений террористического характера¹⁸).

¹⁶ Статистика составлена на основании материалов сайта Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 22.07.2022).

¹⁷ В перечень наиболее проблемных регионов были включены в соответствии с тем количеством раз, сколько они попадали за период с 2010 г. в «десятку» лидеров по показателю «зарегистрированные преступления террористического характера».

¹⁸ Как наиболее сложные охарактеризованы периоды, в которые наблюдался регулярный, погодовой, прирост террористической активности. Завершением периода считается быстрый спад: например, Дагестан — в 2014 г. 472 преступления террористического характера,

- В Москве — 2018–2021 гг. (2021 г. — 132 преступления).
- В Татарстане — 2018–2020 гг. (2020 г. — 64 преступления).
- В Кабардино-Балкарии — 2014–2017 гг. (2014 г. — 157 преступлений).
- В Карачаево-Черкессии — 2016–2018 гг. (2016 г. — 90 преступлений).
- В Ставропольском крае — 2016–2021 гг. (2021 г. — 68 преступлений).
- В Чечне — 2014–2017 гг. (2017 г. — 256 преступлений).
- В Ингушетии — 2014–2016 гг. и 2020–2021 гг. (2021 г. — 115 преступлений)¹⁹.

Как видно из приведенных цифр, в мусульманских регионах наибольшую активность радикалы проявляли в период между 2014 и 2018 гг., что в целом совпадает с аналогичным показателем, который имеем по Европе и США (здесь считалось количество совершенных террористических актов²⁰) — 2014–2017 гг.

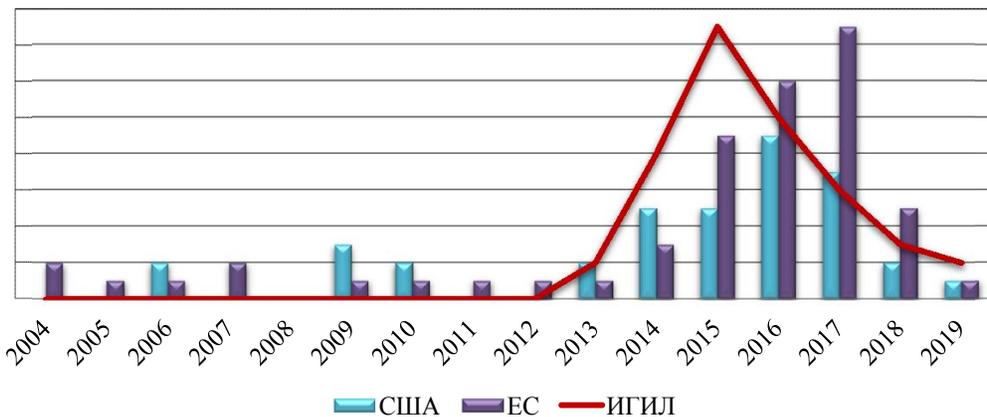

Рис. 1. Корреляция количества терактов в ЕС и США и активности ИГИЛ

Источник: составлено автором на основе данных Global Terrorism Database // University of Maryland. 2020. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (accessed: 22.06.2020) [Warrick 2016; Schmid 2011; Price 2014]²¹

Figure 1. Correlation between the number of terrorist attacks in the EU and the US and ISIS activity

Source: made by author based on: Global Terrorism Database. University of Maryland. 2020. Retrieved June 22, 2020, from <https://www.start.umd.edu/gtd/> [Warrick 2016; Schmid 2011; Price 2014].

в 2015 г. — 679 (начала сложного периода), 2016–966, 2017–531, 2018 (447) — спад.

¹⁹ Статистика составлена на основании материалов сайта Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 22.07.2022).

²⁰ В России выявить данный показатель по сведениям прессы чрезвычайно сложно, принимая во внимание юридические ограничения, накладываемые на СМИ правоохранительными и судебными органами.

²¹ На приведенной диаграмме (рис. 1) ломаной линией обозначены фазы деятельности ИГИЛ. График на рис. 1 свидетельствует о фактически прямой зависимости между динамикой развития этого джихадистского движения и активности радикалов в других частях мира [Demidenko, Kutuzova 2020], включая и Россию, но с одним пока трудно объяснимым отличием — спад активности в мусульманских регионах приходится на повышение ее в Москве и Ставропольском крае. Не исключено, что исламисты из-за общенациональных карантинных мероприятий релоцировались в другие, более безопасные для них зоны.

Таким образом, можно предположить, что радикальный ислам в регионах России развивается в русле международных трендов и продолжает испытывать зависимость от влияний извне. Данная гипотеза, по всей видимости, справедлива не только с точки зрения анализа общей динамики религиозного экстремизма на территории Российской Федерации, но и с точки зрения исследования качественных изменений, а именно — появления и распространения новых форм радикального ислама, также сформировавшихся за пределами РФ. Выражаясь короче, то, что появилось на Западе, рано или поздно, придет к нам. Локализовать данный процесс только путем использования мер оперативного воздействия, вряд ли получится. Слишком уж глубоки и разнообразны связи между отечественными радикалами и международным экстремистским сообществом.

Новые тенденции в развитии радикального ислама в России. Исламизм постиндустриального времени

Новые формы исламизма напрямую связаны с развитием средств электронной коммуникации. Интернет предоставил «джихадистам» дополнительные возможности для пропаганды своих идей. К тому же интернет-среда, отличающаяся избытком контента, привнесла в религиозный экстремизм значительный компонент современного — радикал, будучи частью цивилизации потребления, уже не может обойтись без услуг и товаров, к которым привык. Подобные условия способствовали формированию феномена *jihadī cool*. Путь аскетической элитарности, который долгое время был характерен для «салафитов», в XXI в. вследствие тотального давления капиталистического мира сменился тенденциями массовости. Неожиданно выяснилось — чтобы быть на пути Аллаха необязательно последовательно соблюдать религиозные каноны и вести праведный образ жизни. Достаточно разделять идею джихада в любом ее виде — от вооруженной борьбы до самой широко трактуемой помощи сражающимся (в том числе и чисто декларативной — за счет, например, ношения одежды с джихадистской символикой).

Триггерной точкой роста популярности экстремизма как бренда можно считать период с 2004 по 2006 г., когда вследствие начала американской военной операции в Ираке мировое сообщество начало проявлять повышенный интерес к мусульманской проблематике. По оценкам экспертов, примерно в эти же годы данная тенденция начала развиваться и в России. Приведенный тезис можно подтвердить путем сравнения графиков анализа поисковых запросов по словам «джихад» и «газават» в России и в остальном мире (составлены на основе данных Google Trends) (рис. 2, 3).

Как видно из диафрагмы на рис. 3, при относительно большей волатильности показателей на графике, относящемся к России, пики в целом совпадают: рост интереса в период между 2004 и 2007 гг., относительная стабильность до примерно 2013 г., и всплеск между 2014 и 2018 гг. (в мире пик пришелся на 2014–2016 гг. в России — на 2015–2017 гг.).

Перепроверка информации по системе Wordstat.yandex хотя и дала искаженную картину²², информацию подтвердила — стабильный интерес российских пользователей к запросу «джихад» в середине 2020 г. (18 600 запросов на июнь) и резкий его рост со второй половины 2021 г. (высшая точка — март 2022 г. — 61 045 запросов).

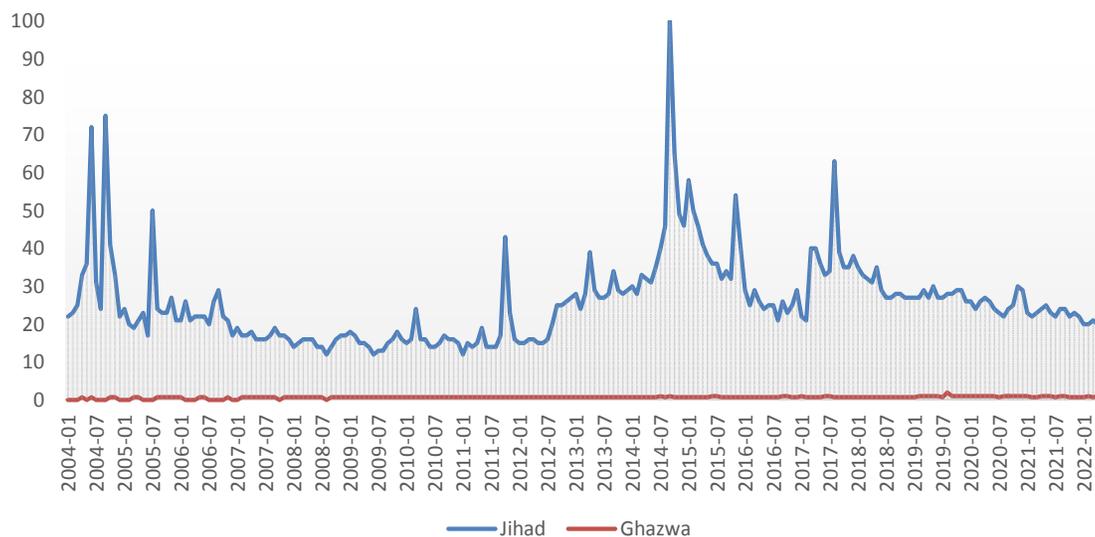

Рис. 2. Анализ поисковых запросов «jihad» и «ghazwa» по всему миру (с января 2004 по июнь 2022 г.)
Источник: Google Trends: URL: <https://trends.google.com/trends> (accessed: 13.07.2022).

Figure 2. Analysis of the search queries «jihad» and «ghazwa» around the world (January 2004 — June 2022)
Source: Google Trends: Retrieved July 13, 2022, from <https://trends.google.com/trends>

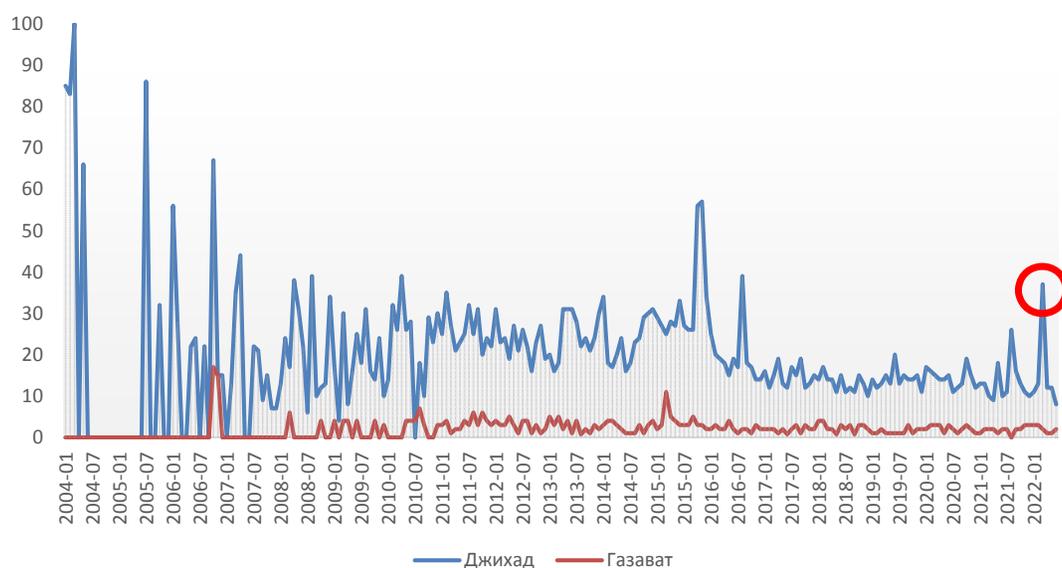

Рис. 3. Анализ поисковых запросов «джихад» и «газават» по России (с января 2004 по июнь 2022 г.)

²² Связано с тем, что «Яндекс» предоставляет данные лишь за два года.

Figure 3. Analysis of the search queries «джихад» and «газават» in Russia (January 2004 — June 2022)

Источник / Source: Google Trends: URL: <https://trends.google.com/trends> (accessed: 13.07.2022).

Относительное сходство (обозначено кружком) графиков на рис. 3 и 4 в части показателей за 2020–2022 гг. позволяет выдвинуть предположение о релевантности цифр с точки зрения соответствия мировых и общероссийских трендов. С учетом понимания исторического контекста это означает, во-первых, что на религиозный экстремизм в России влияют примерно те же факторы, что и на мировой салафизм, а во-вторых, что изменение всей системы в целом приведет к аналогичным трансформациям в ее отдельных частях. Для представленного исследования это означает, что появление в РФ признаков субкультуры *jihadi cool* с последующим превращением ее в радикальный ислам постиндустриального времени будет прослеживаться все отчетливее. Информация, полученная из других источников (СМИ, YouTube, социальные сети), подтверждает данный тезис.

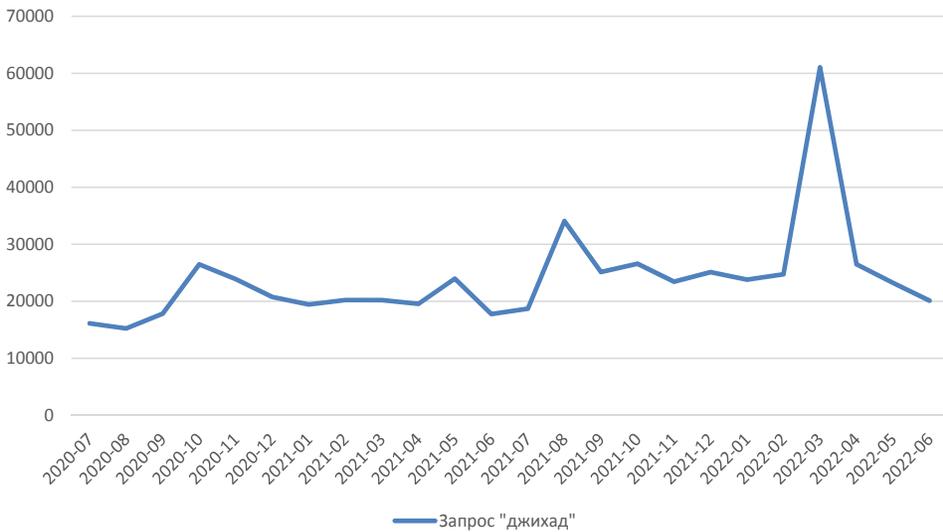

Рис. 4. Анализ поискового запроса «джихад» по России (с июля 2020 по июнь 2022 г.)

Источник: Подбор слов Яндекса. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (accessed: 19.07.2022).

Figure 4. Analysis of the search query «джихад» in Russia (July 2020 — June 2022)

Source: Yandex Word Selection. Retrieved July 19, 2022, from <https://wordstat.yandex.ru/>

Первым признаком процесса является появление в России исламской моды. Анализ линейки нескольких наиболее популярных интернет-магазинов, продающих товары для мусульман (в первую очередь для представителей центральноазиатских диаспор), продемонстрировал широкий ассортимент предложения. Для женщин — изящная одежда, сшитая в соответствии с религиозными канонами (закрывающая руки, волосы; нарукавники), чехлы для телефонов с исламской символикой, электронные четки со стразами и т.д. Для мужчин — футболки, толстовки, лонгсливы с шахадой, первой строкой Аль-Фатихи, спортивные

костюмы, одежда *military style*. Также широко представлены различные виды аксессуаров — чехлы для телефонов, перстни с арабскими буквами, шапочки и коврики для совершения намаза и т.д. Все товары имеют эстетичный, привлекательный вид, сделаны из качественных материалов и продаются по не очень высоким относительно рынка ценам²³.

Исламская мода сама по себе не может рассматриваться в качестве угрозы, однако она за счет своего распространения камуфлирует моменты, которые с большей обоснованностью можно отнести к субкультуре *jihadī cool*. Радикализм мимикрирует внутри нее (схема будет описана ниже), скрываясь среди безобидных атрибутов мусульманской культуры. И это можно считать признаком № 2.

Выявить радикализм возможно путем изучения сообществ (так называемых пабликов) в социальных сетях, а также отдельных роликов на видеохостинге YouTube. Соответствующие группы, находящиеся в свободном доступе, выдаются поисковыми системами социальных сетей, если пользователь, например, ищет в интернете мусульманскую одежду или актуальные аксессуары (так, видимо, настроены алгоритмы поиска, и исламисты об этом знают). Заходя в паблики, заинтересовавшиеся сталкиваются, во-первых, с пропагандой экстремистских взглядов, а во-вторых, с тотальным порицанием «греховного», то есть светского, образа жизни большей части населения России. Как правило, подобные группы имеют в своем названии слова «салафия», «таухид», «мухаджир», «ансар» и т.д., а количество их подписчиков колеблется в диапазоне от нескольких сотен до 45 тыс. Дизайн страниц в целом сходен — одинаковая строгая цветовая гамма с преобладанием черного, коричневого и золотого цветов. Структура контента — цитата видного исламского ученого, ее сокращенный вариант в виде картинка (главная мысль на красивом фоне) и короткие пояснения к ней. Информация должна привлекать не формой, но смыслом. Убедительность же достигается за счет манипулирования фразами из священных текстов — авторы рассчитывают на то, что читающий не будет сомневаться в истинности отрывков или перепроверять их с привлечением аятов или хадисов, то есть будет внутренне согласен с приведенными утверждениями.

Содержание сообществ — это прямые инвективы в адрес других монотеистических религий («Разве допустимо мусульманину сомневаться в куфре того, кто сказал: «Поистине у Аллаха есть соратник, или приписывает ему сына»?»), или: «Поистине сыны Израиля погибли по причине их ученых и чтецов²⁴» и т.д.), ссылки на труды Ибн Таймийи и других исламских ученых, считающихся основоположниками доктрины салафизма, а также обсуждение нравов современных россиян (короткая женская одежда, курение, музыка, употребление алкоголя и т.д.). Отдельные информационные блоки посвящены «извратителям ислама» —

²³ Ссылки на сайты не приводятся специально, чтобы, во-первых, не нарушать авторских прав, а во-вторых, не создавать незаконной рекламы.

²⁴ Как в первом, так и во втором случае очевидны отсылки к 31-му аяту 9-й суры Корана: «Признавали [иудеи и христиане] богами, помимо Бога Единого, ученых мужей своих и монахов, а также Мессию, сына Марьям. Однако велено им поклоняться только Богу Единому, нет кроме него божества» (Коран. 9:31 / Османов М.-Н.О. М.: Диля, 2009. С. 178).

тагутам. Здесь критикуются духовные практики суфиев, являющихся в России весьма влиятельной религиозной силой, — совершение земного поклона перед наставником, раскаяние перед кем-то, кроме Аллаха, покорность не ради Аллаха и т.д. Отдельной темой проходят сюжеты порочности представителей власти²⁵.

Третьим признаком является джихад-рэп — явление весьма популярное среди радикальной молодежи в Европе и постепенно начинающее проникать в Россию. Анализ поисковых запросов в системе Wordstat.Yandex показал не очень высокий, но стабильный интерес к данной теме:

- «Исламский рэп» — на протяжении двух лет с 2020 по 2022 г. от 15 до 50 запросов в месяц;
- «Нашид (мусульманское песнопение. — *Прим. авт.*) джихад» — 800 запросов в месяц на середину 2020 г., и примерно 1000 запросов в месяц в 2022 г. (сравнить с рис. 3 и 4);
- «Джихад музыка» — повышение с уровня в 80 запросов в месяц на середину 2020 г. до 110–130 запросов в месяц в 2021 и 2022 гг.²⁶ (сравнить с рис. 3 и 4).

Изучение YouTube-роликов показало, что по основным параметрам продукция отечественных джихад-рэперов весьма сходна с западными образцами. Те же апелляции к божественной воле, та же пропаганда идей джихада, то же использование сленговой («блатной») лексики. Последний момент характеризует джихад-рэп как ответвление от гангста-рэпа — западные исследователи давно обратили внимание на родственность этих двух направлений хип-хоп культуры [Drağ, Krogulec, Marecki 2016; Pan, Sandberg 2019]. Для композиций характерны следующие сочетания слов: «В будущем все будет гладко, живи по нашим порядкам», «Ты мой покровитель, мы твои рабы, только покорные будут вознаграждены». Или: «Многие говорят, что мы произошли от обезьян, нас создал Аллах, кто не верит тому — харам», «Зачем, брат, куришь, зачем все это мутишь?», «Мы ваххабиты, нам нужна власть, за нее мы всему миру разорвем пасть» и т.д.²⁷

Момент, который отличает российский джихад-рэп, — это очевидное его сходство с суфийскими зикрами, в которых на протяжении всего священнодействия ритмично произносятся одна сакральная фраза — шахада, определенный аят Корана или Аль-Фатиха. В случае с рэпом это регулярное повторение важнейшей фразы всей песни. Например: «Наша цель — халифат, наш путь — джихад, наш закон — шариат», «Скажи „Нет божества кроме Аллаха. Един он. И не родил и не рожден“». В отдельных случаях также используется шахада, произносимая по-арабски²⁸. То есть отечественный джихад-рэп впитал в себя стилистические особенности российской мусульманской культуры.

²⁵ Ссылки на ресурсы не приводятся в соответствии с требованиями закона ФЗ № 114 «Об экстремистской деятельности».

²⁶ Подбор слов Яндексa. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (accessed: 19.07.2022).

²⁷ Представленные фрагменты размещены исключительно в исследовательских целях.

²⁸ Ссылки на ресурсы не приводятся в соответствии с требованиями закона ФЗ № 114 «Об

Приведенные факты свидетельствуют о проникновении в Россию специфических, сформировавшихся за рубежом субкультурных явлений, которые в перспективе могут стать питательной средой для формирования исламизма постиндустриального времени. Хотя на данный момент еще рано говорить о том, что новые формы радикализма окончательно пришли на отечественную почву.

В целом исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, радикальный ислам в России, как это было в течение всего советского и постсоветского периода, продолжает сохранять свою зависимость от тенденций, сформировавшихся за пределами нашей страны. Его идейно-политическая вторичность очевидна.

Во-вторых, исламизм постиндустриального времени распространяется на территории Российской Федерации. Развивается он примерно так же, как развивался в странах Европы и США — из синтеза криминального и исламистского элементов, формируясь в итоге в протестную политическую идеологию. Данная идеология отличается от классических образцов исламизма в том числе и тем, что базируется на субкультуре *jihadī cool*.

В-третьих, радикальный ислам постиндустриального времени может быть более опасен для политической стабильности в РФ, поскольку ориентирован не на избранность и духовную чистоту адептов, а на массовость. Его носители менее чувствительны к различиям между конфессиями мусульманской религии (не считают представителей других групп врагами и еретиками). Ключевыми же признаками для вступления в движение (пока стихийное) являются принадлежность к исламу и идея джихада (любого вида).

В-четвертых, новая форма исламизма будет наиболее активно развиваться в крупных городах, так как именно там наличествует благоприятная для формирования субкультур социальная среда — в Москве, Санкт-Петербурге, Ставрополе, Краснодаре и т.д. Нельзя также исключать частичного распространения постиндустриального исламизма в так называемых «тюремных джамаатах» — сообществах радикалов в местах лишения свободы, где также имеются условия для смешения различных укладов и традиций. Что касается уже существующего исламистского подполья, то здесь ситуация, скорее всего, будет протекать в привычном русле. Герилья Северного Кавказа весьма традиционна и эволюционирует под воздействием иных факторов. Однако процесс перетекания наиболее радикальных представителей *jihadī cool* в ряды вооруженных организаций с течением времени будет нарастать.

В-пятых, исламизм нового типа делает это деструктивное движение более сплоченным. Из-за невнимания к внутрирелигиозным различиям с течением времени исчезает и главное препятствие на пути к объединению радикалов — принципиальная борьба за чистоту религии. Другими словами, склонность даже братьев по вере к компромиссам способствовала развитию конфликта, когда непримиримая часть отделялась от «конформистов» и объявляла им войну.

экстремистской деятельности».

Данный процесс проявился, например, в Сирии, когда разобщенность религиозной оппозиции привела ее в числе других факторов к военному поражению [Исаев и др. 2021]. В ситуации исламизма постиндустриального времени вероятность такого развития событий серьезно снижается.

В генезисе идеологии радикального ислама, особенно в российском контексте, пока еще много неясного. Не исключено, что светские черты постепенно «размоют» сущность движения и полностью его нивелируют. Однако возможен и обратный вариант, при котором изменения внутренней (в первую очередь экономической) конъюнктуры создадут иную социальную реальность, в которой исламизм станет вызовом национальных масштабов. Произойти это может не столько из-за агрессивности и непримиримости его адептов, сколько вследствие массовости, которую движение может приобрести.

Поступила в редакцию / Received: 01.08.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 08.08.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2022

Библиографический список

- Антиэкстремистская политика в России, Казахстане, Кыргызской Республике и Таджикистане: сравнительный обзор. М.: Центр «Сова», 2020. 70 с.
- Ахмадуллин В.А. Деятельность советского государства и духовных управлений мусульман по организации паломничества (1944—1965 гг.): анализ исторического опыта и значение для современности. М.: Издательский дом «Исламская книга», 2016. 208 с.
- Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М.: Наука, 1982. 612 с.
- Демиденко С.В., Кутузова А.А. Трансформация феномена радикального ислама в условиях постиндустриального общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2020. Т. 22. № 4. С. 690–712. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-690-712>
- Демиденко С.В., Кутузова А.А. Covid-19 и новая реальность исламского радикализма // Религия в современной России: события и дискурсы пандемии. М.: РУДН, 2021. С. 217–236.
- Демиденко С.В. Ирак — смена декораций // Вестник аналитики. 2014. № 3. С. 76–84.
- Игнатенко А.А. Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004. 256 с.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В., Мардасов А.Г., Семенов К.В. Метаморфозы сирийской оппозиции. М.: ЛЕНАНД, 2021. 304 с.
- Курбанов Р.В. Что ждет Дом Саудов? // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. С. 143–153.
- Россия — Средняя Азия. Политика и ислам в XX — начале XXI вв. / под ред. Ф.М. Мухаметшина. Т. 2. М.: Издательство Московского университета, 2011.
- Сатановский Е.Я. Россия и Ближний Восток. Котел с неприятностями. М.: Эксмо, 2012. 410 с.
- Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // Ислам в современном мире. Т. 12, 2016. № 3. С. 139–154.
- Хасан М. Источник террора: идеология ваххабизма-салафизма. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 158 с.
- Хэйвуд Э. Политология / пер. с англ.; под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Вельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.

- Шегаев И.С. Ислам в политическом дискурсе: концепты, стереотипы, радикализм. Казань: Бук, 2017. 136 с.
- Al Anani Khalil. Post Islamism: The Changing Faces of Political Islam // *Sociology of Islam*. 2014. Vol. 2. P. 347–365.
- Bayat A. The coming of a post-Islamist Society // *Critical Middle Eastern Studies*. 1996, no. 5. с. 43–52.
- Bayat A. What is Post-Islamism? // *ISIM Review*. 2005. P. 1–6.
- Drag W., Krogulec J., Marecki M. War and Words. Representations of Military Conflict in Literature and the Media. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016. 160 p.
- Ilan J., Sandberg S. How ‘gangsters’ become jihadists: Bourdieu, criminology and the crime–terrorism nexus // *European Journal of Criminology*. 2019. Vol. 16, no. 3. P. 278–294.
- Luz G-G. Post-Islamism, the Failure of an Idea: Regards on Islam and Nationalism from Khomeini’s Death to the Arab Revolts // *Religion Compass*. 2002. Vol. 6, no. 10. P. 451–466.
- Price E. Terrorists, Extremists, Militants: Selected Biographies, Autobiographies and related Documents and Writings // *Perspectives on Terrorism*. 2014. Vol. 8, no. 3. P. 126–134.
- Schmid A.P. The Routledge Handbook of Terrorism Research. N.Y.: Taylor & Francis. 2011. 718 p.
- Travis M. Dark ideas: how neo-Nazi and violent jihadi ideologues shaped modern terrorism. Lanham: Lexington Books, 2017. 171 p.
- Tugal C. Islamism in Turkey: beyond instrument and meaning // *Economy and Society*. 2002. Vol 1. P. 85–111.
- Warrick J. Black Flags: The Rise of ISIS. Anchor, 2016. 384 p.

References

- Akhmadullin, V.A. (2016). Activities of the Soviet State and Religious Administrations of Muslims in Organizing Pilgrimages (1944–1965): Analysis of Historical Experience and Significance for the Present. Moscow: Publishing House ‘Muslim Book’, 208 p. (In Russ.).
- Al-Anani, Khalil. (2014). Post Islamism: The Changing Faces of Political Islam. *Sociology of Islam*, 2, 347–365.
- Anti-Extremist Policy in Russia, Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and Tajikistan. Comparative Review. (2020). Moscow: Center ‘Sova’, 70 p. (In Russ.).
- Bayat, A. (1996). The coming of a post-Islamist Society. *Critical Middle Eastern Studies*, 5, 43–52
- Bayat, A. (2005). What is Post-Islamism? *ISIM Review* (pp. 1–6).
- Demidenko, S.V. (2014). Iraq — change of scenery. *Bulletin of analytics*, (3), 76–84 (In Russ.).
- Demidenko S.V., Kutuzova A.A. (2020). The Transformation of Radical Islam in a Post-Industrial Society. *RUDN Journal of Political Science*. 22(4), 690–712 (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-690-712>
- Demidenko S.V., Kutuzova A.A. (2020). Covid-19 and the New Reality of Islamic Radicalism. In *Religion in Modern Russia: Pandemic Events and Discourse* (pp. 217–236). Moscow: RUDN University. (In Russ.).
- Drag, W., Krogulec, J., & Marecki, M. (2016). War and Words. Representations of Military Conflict in Literature and the Media. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 160 p.
- Hasan, M. (2005). Source of Terror: the Ideology of Wahhabism-Salafism. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 158 p. (In Russ.).
- Heywood, A. (2005). *Political Science*. Moscow: YUNITI-DANA, 544 p. (In Russ.).
- Ignatenko, A.A. (2004). Islam and Politics. Moscow: Institute of Religion and Politics, 256 p.
- Ilan, J., & Sandberg, S. (2019). How ‘gangsters’ become jihadists: Bourdieu, criminology and the crime–terrorism nexus. *European Journal of Criminology*, 16(3), 278–294.
- Isaev, L.M., Korotaev A.V., Mardasov A.G., & Semenov K.V. (2021). Metamorphoses of Syrian Opposition. Moscow: Lenand, 304 p. (In Russ.).

- Kurbanov, R.V. (2012). What's next for the House of Saud? *Russia in Global Affairs*, (4), 143–153 (In Russ.).
- Luz, G-G. (2002) Post-Islamism, the Failure of an Idea: Regards on Islam and Nationalism from Khomeini's Death to the Arab Revolts *Religion Compass*, 6(10), 451–466.
- Price, E. (2014). Terrorists, Extremists, Militants: Selected Biographies, Autobiographies and related Documents and Writings. *Perspectives on Terrorism*, 8(3), 126–134.
- Russia — Central Asia. Politics and Islam in XX — early XXI centuries (Vol. 2). (2011). Moscow: Moscow University Press, 368 p. (In Russ.).
- Satanovsky, Y.Y. (2012). Russia and the Middle East. Cauldron with Troubles. Moscow: Eksmo, 410 p. (In Russ.).
- Shegaev, I.S. (2017). Islam in Political Discourse: Concepts, Stereotypes, Radicalism. Kazan: Buk Publishing House, 136 p. (In Russ.).
- Schmid, A.P. (2011). The Routledge Handbook of Terrorism Research. N.Y.: Taylor & Francis, 718 p.
- Syukiyainen, L.R. (2016). The Islamic Concept of the Caliphate: Initial Principles and Modern Interpretation. *Islam in the Modern World*, 3(12), 139–154 (In Russ.).
- Travis, M. (2017). Dark ideas: how neo-Nazi and violent jihadi ideologues shaped modern terrorism. Lanham: Lexington Books, 171 p.
- Tugal, C. (2002). Islamism in Turkey: beyond instrument and meaning. *Economy and Society*, 1, 85–111.
- Vasilyev, A.M. (1982). History of Saudi Arabia. Moscow: Nauka, 612 p.
- Warrick, J. (2016). Black Flags: The Rise of ISIS. Anchor, 384 p.

Сведения об авторах:

Демиденко Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, декан факультета политических исследований Института общественных наук Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: demidenko-sv@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0002-6519-9474)

Маргулис Сергей Борисович — старший преподаватель кафедры международной политики и зарубежного регионоведения факультета политических исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (e-mail: margulis-sb@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0003-0674-2550)

Файншмидт Роман Иосифович — старший преподаватель кафедры международной политики и зарубежного регионоведения факультета политических исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. (e-mail: faynshmidt-ri@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0002-5212-1926)

About the authors:

Sergei V. Demidenko — PhD Historical in Science, Dean of the Faculty of Political Research, Institute of Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (e-mail: demidenko-sv@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0002-6519-9474)

Sergei B. Margulis — Senior Lecturer of the Department of International Politics and Foreign Regional Studies, the Faculty of Political Research, Institute of Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: margulis-sb@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0003-0674-2550)

Roman I. Fainshmidt — Senior Lecturer of the Department of International Politics and Foreign Regional Studies, the Faculty of Political Research, Institute of Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (e-mail: faynshmidt-ri@ranepa.ru) (ORCID: 0000-0002-5212-1926)